

ТЕОРИЯ

Л. Е. ГРИНИН

ФОРМАЦИИ И ЦИВИЛИЗАЦИИ*

ГЛАВА 7. ЗАКОНЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

§ 1. Некоторые взгляды на понятие исторических законов и предварительные выводы из них. § 2. Общие подходы к анализу законов исторического процесса. § 3. Группировка законов. § 4. Пояснения к некоторым законам. § 5. Закон подвижности (замены) функций.

...В истории намного чаще, чем в других науках, мы сталкиваемся с проблемой «неисчерпаемости предмета исследования».

К. Поппер

Проблема всеобщих законов истории, поднятая Вико, пророком и провозвестником философии истории, как его называл Курт Брейзиг, была очень популярной и дискуссионной в XIX и первой половине XX века. Различные точки зрения выдвигали на первый план от одного единственного и все объясняющего закона до десятков законов. При всех разногласиях многих объединяла общая вера в то, что «пути развития всех народов и групп народов Земли идут в одинаковом или мало различающихся направлениях и... немногие различия, которые, как и почти во все времена, являет картина человечества, могут быть объяснены лишь различием в скорости развития, с какой отдельные части человечества прошли эти свои пути»¹. Оппоненты этого взгляда были столь же безапелляционны. Одни утверждали, что, напротив, все народы развиваются, по-разно-

---

* Продолжение. Начало см.: *Философия и общество*. 1997. № 1–6; 1998. № 1–5.

¹ Слова К. Брейзига. Цит.: *Современная западная социология*. Словарь. М., 1990. С. 43.

му, поскольку «существуют великие неизменные законы, управляющие общим ходом каждой цивилизации», и «эти неизменные, самые общие и самые основные законы вытекают из душевного строя рас»², другие объясняли все различия благодетельным или губительным влиянием отдельных личностей. В целом же господствовало стремление поставить на передний план объяснения истории какой-то один из ее факторов или определенную их комбинацию.

В начале, а особенно ближе к середине XX века, идею преобладающей роли и даже «существования» исторических законов стали все более отрицать. Риккерт, например, настаивал, что дело собственно не в том, насколько легко или трудно открывать исторические законы, а в том, что само это понятие включает в себе внутреннее логическое противоречие, поскольку понятия исторической науки и науки о законах совершенно не совместимы и взаимоисключающи. «Теперь мы должны спросить, возможно ли исследовать индивидуальные человеческие судьбы и частные формы человеческого существования научно и каким образом это может быть сделано?» – в свою очередь спрашивал Вильгельм Дильтей³. Все чаще утверждалось, что «попытка доказать существование необходимых законов невозможна и напоминает вполне попытку вытащить самого себя за волосы из болота»⁴. Но изгоняемая в дверь, указанная идея стала входить в окно то путем возврата к концепциям детерминирования развития общества географической средой, то в виде теории больших экономических циклов, то смены этапов развития в зависимости от типа хозяйства и т. п. Однако в целом в настоящее время она не особенно популярна на Западе, хотя само понятие «закон» встречается в современной историографии довольно часто⁵. Интерес к законам истории значительно уменьшился и у нас.

---

² Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995. С. 13.

³ Цит.: Stanford M. An Introduction to the Philosophy of History Maiden, 1998. P. 162.

⁴ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 516.

⁵ Но понятия общественных или исторических законов, тем более их определения, в справочных изданиях часто избегают. Например, в недавно вышедшем «A Dictionary of Philosophy» (Ed. T. Maunter. Cambridge, Mass., 1998) есть только понятия законов природы и законов познания (см. P. 232–233).

Как при критике, так и при апологетике данного понятия – что очень важно подчеркнуть – практически все понимают закон в «классическом» духе, как жесткий и универсальный. Между тем (и это необходимо повторять вновь и вновь) без изменения взгляда на содержание исследуемой категории мы не сможем плодотворно использовать ни само это понятие, ни отдельные законы. Ведь хотя опыт поиска всегда определяющих исторических законов оказался неудачным (однако не бесплодным), тем не менее отказ от использования законов вообще обедняет возможности теоретического познания, а в чем-то закрывает для него очень перспективные направления. Следовательно, необходимо это понятие превратить в достаточно гибкое, учитывающее различия в задачах, материале и познающем субъекте. Быть может, такое пренебрежение к эвристическому и методологическому значению понятия «закон», отказ от поиска более тонких способов его интерпретации является одной из причин того, что западной историографии не удалось преодолеть «дефицит теории»⁶.

Природа познания только в принципе одинакова, но сама реальность исключительно разнообразна, поскольку степень полноты, точности наших знаний и инструменты познания очень различны в разных сферах, науках и случаях. Отсюда мы должны говорить о разных типах законов. А поскольку реальность неисчерпаема и бесконечна в своих связях и отношениях, а мы пытаемся постичь ее несовершенными и ограниченными средствами, следует отказаться от идеи абсолютно главных законов и довольствоваться относительно (для определенных рамок) главными.

Колоссальная сложность вопроса о соотношении бытия и познания вызывает время от времени затяжные дискуссии, а-то и кризисы. И сегодняшний кризис исторической науки усложняется и подпитывается противоречивостью взгляда на саму историческую реальность среди историков и теоретиков истории. С одной стороны, некоторые историки сегодня рассматривают исторические тексты как конструирование эстетических объектов, скорее состав-

---

⁶ См. об этом: Могильницкий Б. Г. К. вопросу о теоретико-методологических основах немарксистской историографии//Современная зарубежная немарксистская историография (критический анализ). М., 1989. С. 18.

ляющих мир лингвистических смысловых значений, чем как нейтральное отражение внешнего к ним мира⁷. С другой – хорошо известно, что историки – даже большинство нетрадиционалистов – настаивают на том, что они имеют дело с реальностью и правдой⁸. Преодоление этого противоречия, мне думается, также связано с более точной интерпретацией понятия законов.

О законах уже шла речь в первых главах этой книги, что позволяет, опираясь на сказанное, многие рассуждения опускать. Ведь данная глава есть применение общих положений к уже более определенным координатам исследования – теории исторического процесса. Поэтому не стоит забывать, что речь идет не вообще об общественных законах, а именно **о законах исторического процесса**. Отсюда вся структура главы направлена именно на то, чтобы связать понятие законов с теорией исторического процесса, дать формулировки, толкование и систематизацию важных для нас законов.

Некоторые типичные взгляды на законы истории рассматриваются в первом параграфе. Однако необходимо оговориться: в связи с тем, что сторонники этих подходов, как правило, четко не различают понятий исторического закона и закона исторического процесса, не всегда и я, комментируя их точки зрения, имею возможность вносить такие уточнения. Между тем указанные понятия совершенно необходимо разграничить уже потому, что именно в игнорировании такого различия лежит одна из основных причин гносеологической непримиримости взглядов на законы истории. Ведь законы, применимые для анализа исторических ситуаций, часто не годятся для рассмотрения крупных исторических процессов и периодов и наоборот.

Во втором параграфе речь пойдет о том, что в рамках исторического процесса можно понимать под **главными** законами. Для этого нам придется проанализировать, насколько вообще применимо и продуктивно понятие закона исторического процесса, показать, что использование любого закона имеет ограничения содержательного,

---

⁷ Toews J. E. A New Philosophy of History? Reflections on post modern historicizing // History and Theory. 1997. V. 36. № 2. P. 234.

⁸ Roberts Y. Postmodernism Versus the Standpoint of Action // History and Theory. 1997. V. 36. № 2. P. 253.

методологического и практического характера. В последующих параграфах излагаются некоторые подходы к систематизации законов, возможность их группировки в блоки и системы и более обстоятельно рассматриваются некоторые законы или их группы. В целом же эта глава должна помочь сделать более ясными принципы, на которых строится теория исторического процесса, и облегчить понимание многих идей и категорий, которые будут рассматриваться в следующем разделе.

§ 1. Некоторые взгляды на понятие исторических законов и предварительные выводы из них

Попытки найти универсальные исторические законы, которые бы давали «архимедову точку зрения» на историю и соответственно определяли ее «смысл», подверглись во многом справедливой критике. Подобная философия истории, согласно Риккерт, неизбежно связана с метафизикой. А, по его мнению, метафизика, которая хочет служить базисом для философии истории, сразу впадает в почти непреодолимые трудности. Но обоснованность критики вовсе не означает и правильности полного отказа от поиска условий применения понятия «закон» для исторического процесса и истории.

Если не считать тех, кто по-прежнему ищет законов, и тех, кто безразличен и беспечен к подобным проблемам, то, по мысли М. Мандельбаума, можно выделить три группы взглядов на природу исторического знания и объяснения: 1) «идеалисты» (Риккерт, Дильтей, Кроче, Коллингвуд, Оукшотт и др.) утверждают, что историческая наука радикально отлична от естествознания и не может иметь общей с ней методологии; 2) теоретики «охватывающего закона» (Поппер, Гемпель, Гардинер и другие), наоборот, исходят из принципа единства научного знания и считают, что с логической стороны история подчиняется тем же требованиям, что и естественные науки; 3) «реакционисты» (Дрэй, Донаган, Ноуэл-Смит, Берлин и др.) не согласны с этим и доказывают логико-методологическую специфику исторической науки, чем сближаются с «идеа-

листами»⁹. Однако их исходный пункт иной и характеризуется тезисом», «что надлежащий анализ исторического объяснения должен соответствовать суждениям, которые высказывают историки, давая то, что они считают объяснениями особенных происшествий»¹⁰. Их идейные истоки лежат не в идеалистической философии истории, а в «новейшей ветви аналитической философии, которую можно назвать анализом обыденного языка»¹¹. Важно также отметить расхождения в трактовке задач и назначении исторической науки. В целом же, думается, что как правота, так и односторонность есть во всех трех подходах, хотя и в весьма разной степени. И, следовательно, было бы желательно поискать, в какой мере и как возможно совместить эти точки зрения, в частности путем уточнения того, как сочетаются гносеологически общие с естествознанием и специфические черты в анализе исторической реальности; как правильнее скомбинировать требование объективного знания с неизбежной субъективностью выбора задач и средств их решения и сосуществованием ряда альтернативных концепций.

Противоречивость взглядов, отстаивающих полное несходство истории и естественных наук и невозможность отсюда исторических законов, мы уже анализировали в первых главах. Поэтому наиболее интересным и полезным будет сейчас сосредоточиться на позиции второй группы, как более взвешенной и продуктивной, хотя и ее никак нельзя считать удовлетворительной. Ведь с одной стороны, ученые, ее представляющие, отстаивают тезис о том, что и для истории характерны законы. А с другой – эти законы они фактически представляют как малополезное средство познания. В результате, хотя критика объективистских представлений о законах истории выглядит аргументированной и логичной, конечные их выводы становятся негативными и, по сути, ставят познавательные преграды для изучения исторического процесса.

Прежде чем идти дальше, рассмотрим, о каких законах ведут речь Гемпель и Поппер (в их взглядах, конечно, есть существенные различия, но сейчас это не столь важно). Идея «подведения под за-

---

⁹ См.: Кон И. С. К спорам о логике исторического объяснения (схема Поппера–Гемпеля и ее критики)//Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С. 282.

¹⁰ См.: там же. С. 283.

¹¹ См.: там же.

кон» или «охватывающего закона» означает, что и исторические события (если само это понятие уточнить) допускают свое объяснение с помощью законов, но речь идет не столько о практическом применении такого метода, сколько о логическом принципе¹². Кроме того, указанные законы весьма часто выступают как «тривиальные». Их, по словам Поппера, можно принимать без доказательств, но они не представляют никакого интереса и абсолютно неспособны внести порядок в предмет исследования. Он приводит следующий пример, связанный с объяснением первого раздела Польши в 1772 г.: «Если из двух армий, которые примерно одинаково вооружены и имеют приблизительно одинаковых полководцев, но одна из них имеет подавляющее превосходство в живой силе, то другая никогда ее не победит»¹³. К этому примеру мы еще вернемся, пока же отметим, что неопозитивисты делали полезное дело, поскольку фактически отвергали и опровергали идею о полном различии познания в естественных науках и истории. И в этом плане идея «подведения под закон» Гемпеля и Поппера была весьма важной. Кроме того, они укрепляли мысль о правомерности не одной-единственной, а разных интерпретаций исторических событий. В этом случае упор делался на то, чтобы избранная интерпретация была относительно лучшей, больше внимания уделялось методам ее проверки. И я полностью согласен с тем, что «главное состоит в том, чтобы осознавать принятую точку зрения и быть критичным, то есть по мере сил избегать неосознанных и, следовательно, некритических пристрастий в представлении исторических фактов. В любом другом отношении интерпретация должна говорить сама за себя, и ее достоинствами являются ее плодотворность, способность объяснять факты истории, а также возможность на ее основе объяснять проблемы сегодняшнего дня»¹⁴.

---

¹² Гемпель подчеркивал: «Это, естественно, не означает, что каждое такое событие может быть действительно объяснено данным способом. Анализ объяснений, производящихся с помощью охватывающих законов, показывает нам их логическую структуру, но он ничего не говорит о том, в какой мере индивидуальные события, происходящие в мире, могут быть объяснены» (Гемпель К. Мотивы и «охватывающие» законы в историческом объяснении // *Философия и методология истории*. М., 1977. С. 79).

¹³ Поппер К. *Открытое общество и его враги*: В 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 305.

¹⁴ Поппер К. *Ук. соч.* С. 309.

Ученые этого направления подчеркивали также необходимость правил для того, чтобы применить общее положение к частному случаю. Так, по мысли Гемпеля, история дает нам обычно не строгое объяснение, не возможность дедуцировать событие из универсальных законов, а нечто подобное «объяснительному эскизу». «Такой эскиз состоит из более или менее расплывчатого указания на закон и начальные условия, которые рассматриваются как существенные, и, чтобы превратить этот скетч в развернутое объяснение, необходимо его «наполнить». Это наполнение требует дальнейшего эмпирического исследования, направление которого указывает эскиз»¹⁵.

Но, с другой стороны, во многом верные, порой даже очень верные мысли приводят к недостаточно продуктивным выводам. Например, Поппер пишет: «С нашей точки зрения, действительно не может быть никаких исторических законов. Обобщение принадлежит к таким научным процедурам, которые следует строго отличать от анализа отдельного события и его причинного объяснения. Задача истории как раз и заключается в том, чтобы анализировать отдельные события и объяснять их причины. Те, кого интересуют законы, должны обратиться к обобщающим наукам (например, к социологии)»¹⁶. На первый взгляд, это правильно. Действительно, масса исторических вещей такова, что удобнее их объяснять более простыми и менее «дальнобойными» средствами, чем закон. Однако совершенно очевидно, что, если избегать общих выводов в пределе стремящихся именно к закону, поиск объяснений исторического события во многих случаях мало что дает, поскольку не позволяет делать обобщений и искать коренных и глубинных причин. Такая историография останется на уровне жизнеописания, в лучшем случае, политической истории. И хотя без такой истории не может быть и всей остальной, ограничиваться ею, попятно, невозможно.

Помимо того, что конкретные исторические законы имеют малую ценность, Поппер также убежден и в том, «что те универсальные законы, которые используются в историческом объяснении, не

---

¹⁵ Цит.: Кон И. С. Ук. соч. С. 268.

¹⁶ Поппер К. Ук. соч. С. 305.

содержат никаких селективных или унифицирующих принципов, никакой определенной «точки зрения» на всю историю в целом»¹⁷. Понятие обобщающих законов, в его трактовке, применимо, и то с большими оговорками, лишь к отдельным аспектам истории, например истории политической власти, экономических отношений, технологии или математики. Тогда можно, но в очень узком смысле слова, сформулировать некоторую точку зрения на мировую историю. Но он добавляет, что для этого, конечно, потребуются дополнительные принципы, вроде идей, что большое значение в истории имеют характер «великого человека», «национальный характер», этические или экономические условия и т. п.¹⁸. Более глобальные теории, касающиеся взгляда на историю, Поппер в отличие от научных теорий называет общими интерпретациями и считает, что они «важны потому, что выражают определенные точки зрения», и соответственно лучшими из них будут те, которые способны лучше объяснять факты истории и сегодняшнего дня¹⁹.

Без сомнения, такой подход в отношении законов много лучше того, что предлагают идеалисты и «реакционисты». Однако если исходить из логики предыдущих рассуждений самого Поппера, то и степень обобщения на уровне отдельных аспектов истории так же легко оспорить, как и более высокую, а интерпретациями можно назвать любые, несколько выходящие за скромный объем, обобщения. А главное, подобных аспектов столь много, что никакого теоретического каркаса для теории исторического процесса невозможно получить. Ведь даже указанные им дополнительные принципы могут «сплотить» теорию только в своем жестком объективистском варианте. А при более взвешенном подходе рядом с ними тут же появляются другие (часто противоположные) принципы, поэтому они сами требуют объединения. Фактически эти принципы есть некоторые из ряда движущих сил (факторов) истории, о верховенстве которых в свое время было столько споров. Очевидно, что в рамках всей истории ни один из них не может быть ведущим, а только в меньшей системе координат. Объединяющие принципы (об этом в

---

¹⁷ Поппер К. Ук. соч. С. 306.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 307, 309.

своем месте) должны обосновываться не только онтологически, но в первую очередь методологически, а для этого иметь прочное основание в виде системы законов и других аналитических средств.

Следует обратить внимание на важный момент в рассуждениях Поппера. Действительно, отдельные законы имеют ограниченную сферу своего применения, хотя иной раз и весьма широкую. Иными словами, один, даже два-три закона не могут обеспечить общий взгляд не только на историю в целом, но и на исторический процесс. Подобные беспочвенные надежды свойственны именно объективистам. И читатель увидит, что важнейшая задача этой главы (как часть общей методологической цели книги) – показать, каким образом определяется сфера применения законов, чтобы определить адекватную им познавательную роль.

Но от мысли об ограниченности действия законов можно идти в разных направлениях. Я пытаюсь найти более точное место законов в познании исторического процесса, не выпячивая их как всегда главные, но и не умаляя их значения. Для этого я прибегаю к разным методологическим способам: ищу возможности укрупнять законы, связывать их в группы, показывать, как они дополняют или заменяют друг друга; ищу, как можно переходить от одного к другому, как определять объем их действия, как, наконец, объединяются они в систему, помогающую создать общую теорию исторического процесса. В результате последняя превращается в «интерпретацию», опирающуюся на большой арсенал теоретических познавательных средств, включая и систему законов разного уровня. А можно, продекларировав некоторые возможности законов, фактически отказаться от них, ссылаясь на то, что они не столь точны, как естественнонаучные. И тогда эта «интерпретация», обедненная теоретически и неизбежно более однобокая, чем в варианте, описанном выше, действительно будет просто выражать одно из ряда возможных мнений.

Поэтому, думается, что и достаточно объемные обобщения гораздо продуктивнее все-таки называть законами. А там, где наступает предел действия отдельного закона, можно переходить к их группам и системам. Конечно, законы обществензнания менее точны, чем в естественных науках, но ведь это особые, исторические

законы. И здесь не просто спор о терминах, речь идет о гораздо более важных вещах. Если мы ведем разговор о законах, конечно специфических, но все же имеющих определенное сходство с законами вообще, мы можем стремиться постепенно ко все большей степени точности, насколько нам позволяет это сделать материал. Если речь идет лишь об интерпретациях, которые отражают разные взгляды, то наука об историческом развитии обществ и человечества никогда не выйдет из теоретических «пеленок».

Кроме того, хотя подчеркивание особого характера рассматриваемых законов исключает требования той точности, которую можно достичь в познании стабильных на протяжении длительного времени объектов²⁰, он все же позволяет легче нащупать наиболее плодотворные направления исследования. Ведь у нас остается не просто возможность сделать наилучший выбор из ряда конкурирующих объяснений, но и с помощью методологических правил пытаться их интегрировать. Настаивая на особом характере общественных законов, хотел бы все-таки заметить, что, если бы на их исследование было положено столько же усилий и ресурсов, как на законы природы, точность их, не достигая точности физики, тем не менее существенно бы повысилась. Не следует забывать, что, когда ученым удастся достичь конвенции по каким-то вещам, зрительно степень их точности со временем становится значительно выше, чем в случае параллельных точек зрения, но которые в принципе могли бы быть также унифицированы путем договоренностей.

Итак, возвращаясь к взглядам Поппера и других, следует подчеркнуть, что, хотя они и критикуют идеалистов, различия между историей и «обобщающими науками» в их толковании становятся почти столь же резкими, как у Риккерта и Виндельбанда. Тем самым фактически постулируется разрыв между историей и теорией.

---

²⁰ «Сто лет назад, – писал Дж. Маршак в статье «Вероятность в общественных науках», – было модно говорить о железном законе спроса и предложения или (вместе с Карлом Марксом) претендовать на то, чтобы предсказывать будущее общества. Сегодня мы научились – возможно, отражая определенные тенденции в физических науках, – быть вполне счастливыми, когда мы можем сделать прогноз лишь с определенной (специфированной) вероятностью... Такое знание – обычно лучшее, на что мы можем когда-нибудь надеяться в области общественных наук, где неопределенность физической среды усугубляется разнообразием и капризностью человеческой природы» (Цит.: Исторический материализм и социальная философия современной буржуазии. М., 1960. С. 95).

Отсюда получается, что попытка найти общее в исторических и природных событиях при отрицании возможности важной роли исторических законов, с точки зрения эпистемологии, приводит к формальным результатам.

Стоит подумать, в чем коренная причина неудовлетворительности идей Поппера и Гемпеля. Мне кажется, здесь не до конца преодолено представление о законах, сложившееся в эпоху классического позитивизма и даже раньше, когда считалось, что сила закона должна позволять дедуктивно выводить из него событие. Отсюда идея, что законы, по сути, главные средства познания, а объяснить событие – значит подвести его под закон. А поскольку в практической историографии сделать это затруднительно, кроме законов «здравого смысла», то есть достаточно примитивных, постольку законы начинают казаться не особенно нужными теоретическими инструментами. Отсюда и фактический отказ от понятия закона для исследования истории, замена его понятиями «квазитеория», «интерпретация», «конкретные, или специфические интерпретации»²¹, умаление роли теории истории, раз исторический процесс можно интерпретировать по-разному, а на основании теории невозможно предсказывать события. Кроме того, толкуя законы в классическом смысле, они не учитывают проблему яркости-неяркости их проявления. А без этого невозможно понять ни объема их действия, ни важности его в каждом конкретном случае, ни их коллизий и т. п.

Сегодня и в отношении законов природы взгляды изменились в сторону отхода от «строгой» необходимости²². Тем более это должно быть сделано в отношении идеи общественных законов. Но здесь получается порочный круг. Поскольку от этой категории отказались, над ее развитием не работают и о ней сохраняется устаревшее представление, которое уже априорно отвергает от нее исследователей. Поэтому, мне думается, что магистральный путь – понять, что следует говорить о разных типах законов²³. И, следова-

---

²¹ Поппер К. Ук. соч. С. 308.

²² См.: A Dictionary of Philosophy. P. 233.

²³ «Характеристика историком индивидуальных явлений предполагает, что существуют различные типы событий и, следовательно, имеются более или менее детерминированные регулярности, которые ассоциируются с каждым типом и которые отличают один тип от

тельно, трактовка самого понятия «закон» становится иной, менее жесткой, более вариантной и менее объективистской. Тогда не придется бояться самого понятия «закон» в применении к изучению исторического процесса и теории истории (а также и историографии), поскольку такая боязнь весьма сильно ограничивает исследователя. В результате, с одной стороны, откроются многие сходства в познании природных и исторических явлений, а с другой – масштаб и причины различий в этом плане станут более реальными и понятными. Только так, думается, можно совместить идею общности исторического материала в плане познания по сравнению с природным материалом и идею, что и в исследовании исторической действительности можно использовать такие теоретические средства, как законы.

Таким образом, признание важной познавательной роли законов должно сочетаться с отказом от рассмотрения закона как главного инструмента познания всегда и везде, и с убеждением, что каждому типу законов нужны и особые познавательные средства и у каждого типа есть свои ограничения²⁴. Упрощенно говоря, нужно совместить инструментализм и объективизм, ведь хотя реальность объективна, но законы – условно ограниченный участок этой реальности.

Узкое представление о законах со стороны как их сторонников, так и противников нередко ведет к попыткам строго связать каждое событие с определенным законом. А для этого иногда приходится к конкретному случаю придумывать особый закон, от того они часто и тривиальны. Между тем гораздо правильнее пользоваться более

других», – говорит Нагель (Цит.: Карийский А. М. Философия американского натурализма. М., 1972. С. 139).

Можно согласиться и с М. Фридом, что гораздо легче достичь согласия о часто повторяющихся, *по* существу математических моментах, чем добиться консенсуса о возникновении (конституировании) новых форм. (Fried M. H. The State, the Chicken and the Egg; or, What Came First? // *Origins of the State*. Eds. R. Cohen, E. R. Service. Philadelphia, 1978. P. 37–38).

²⁴ Тогда легче будет и «разграничить вопросы логического анализа и вопросы, связанные с оценкой: например, изучение понятий, обычно употребляемых историками, и способа их употребления явно отличается от вопроса, являются ли эти понятия наилучшими или наиболее плодотворными и не требует ли историческая терминология какого-то пересмотра, который мог бы привести, скажем, к большей точности» (Гардинер П. Цит.: Кон. И. С. Ук. соч. С. 266).

крупными формулировками и выработать правила их «сворачивания» и «разворачивания», перехода от уровня к уровню, от аспекта к аспекту, а также и правила определения важности тех или иных законов для любого момента. Следовательно, поиск более крупных законов и далее их систем становится не просто необходимостью, а одним из выходов из тупика противопоставления теории и истории.

Сказанное также помогает объяснить, почему при опускании на низкий уровень крупный закон как бы растворяется и даже становится «лишним» для конкретной задачи. Действительно, многие проблемы историографии часто не требуют особых законов. Тем не менее исторический опыт для этого требуется. И часто он даже вовсе не такой тривиальный. Этот опыт и позволяет историку вживаться в эпоху, представлять себя на месте исторических деятелей, понимать психологию поступков, причины конкретных событий: выигранных и проигранных битв, тех или иных политических решений и т. д. Пока историография занималась хроникой событий и морализаторством, вопросы о законах истории были неважны. Чем глубже идет исследование, чем больше факторов затрагивается, чем больше сравнений, обществ и эпох вмещается, тем сильнее потребность в теоретических средствах анализа, включая и законы. Но здесь весьма и весьма нечетка грань между теоретизирующей историографией, с одной стороны, и философией истории, социологией истории и теорией истории – с другой²⁵ (а также и между ними самими). Недаром же крупные историки, исследуя отдельные проблемы, вынуждены обращаться к всемирной истории или мировому историческому процессу. Говоря словами историка Дж. Р. Элтона, имея дело с частью, они учитывают всеобщее²⁶.

Если угодно, в данной ситуации можно применить такое сравнение. Законы баллистики необходимы не только при конструировании, но и испытании оружия. В то же время меткий стрелок мо-

---

²⁵ Именно для подобных ситуаций Р. Арон подчеркивал, что «гораздо труднее, чем обычно об этом думают, различить науку и философию истории» (Арон Р. Философия истории // Философия и общество. 1997. № 1. С. 261).

²⁶ См.: Черняк Е. Б. Дискуссия об узловых теоретических проблемах всемирной истории // Современная зарубежная немарксистская историография (критический анализ). М., 1989. С. 33.

жет их и не знать (хотя они ему и не помешают). Но чем обширнее и разнообразнее арсенал оружия, которым владеет человек, тем в целом больше требуется ему теоретических знаний (включая и указанные законы), чтобы судить о достоинствах и особенностях каждого. И в этом смысле различия между создателем, испытателем и просто знатоком оружия становятся не столь четкими, при том, что они черпают сведения друг от друга. Сказанное касается и вообще любой другой техники.

Разбирая попперовский пример о Польше, можно сказать, дело не в том, чтобы с помощью законов объяснить, почему слабая Польша в конце XVIII века не могла устоять против сильных соседей и подверглась разделам. Это достаточно ясно. Проблема, связанная с законами, возникает, если мы спросим: «А почему Польша оказалась слабой по сравнению с соседями, тогда как в конце XVI–начале XVII в. была сильнее России и Пруссии?» И, пытаясь ответить на этот вопрос, мы, вероятно, столкнемся с более глубокой проблемой, почему одни общества отстают, а другие вырываются вперед, – словом, к вопросу о неравномерности исторического развития. Отсюда уже недалеко и до использования закона неравномерности развития. А здесь уже начинаются философия и теория истории. Раздел Польши можно рассматривать и как пример эволюционного отбора в истории.

Легко привести и другие ситуации, когда конкретное событие можно или даже необходимо рассматривать с помощью законов. Только не следует забывать о существенной разнице между законами историческими (среднего или малого действия) и исторического процесса (дальнего действия). Если такое различие игнорируют, неизбежны объективистские поиски прямого подтверждения глобального закона. В то же время между указанными уровнями нет не только непреодолимой, но и вообще какой-то четкой грани. И это не менее важно помнить, поскольку достаточно часто имеет место (даже среди крупных ученых) резкое противопоставление законов (тенденций, процессов и т. п.) разного радиуса действия с объявлением одних более важными, чем других. Например, К. Боулдинг в своей книге «Начала социальной динамики» делит исторические процессы на диалектические и недиалектические (эволюци-

онные). Первые (войны, революции, столкновения партий и т. п.) связаны с борьбой между системами или группами и победой одной из сторон. Для вторых конфликты, даже если они и есть, несущественны, а их центральный момент – кумулятивное нарастание качества, эволюционность и продолжительность. Коренное убеждение Боулдинга состоит в том, что диалектические процессы важны на коротких отрезках и таковыми представляются их участникам. Но это не главные силы истории, а только волны и вихри в великом потоке, в котором главными являются недиалектические (эволюционные) процессы²⁷.

Я думаю, что в таких случаях особое внимание нужно уделить точности определения ситуаций, когда можно говорить о главности тех или иных исторических сил. Но обязательно подчеркивая, что речь идет об **относительной** главности. Это касается и оппонентов Боулдинга, отдающих предпочтение «диалектическим» процессам. Иначе, даже помимо желания исследователей, возникают слишком резкое противопоставление и фактическая подмена одних вещей другими. Мне видится более верным, полностью учитывая различия между законами (и теориями) разного уровня, искать между ними связь и методику переходов от одних к другим. Ибо крупные процессы включают в себя и менее масштабные, нередко в своих результатах зависят от них, но в то же время никогда не сводятся к ним полностью. А «диалектические» процессы часто имеют собственную природу и не могут быть представлены только как момент более крупных или как пена (пена) в море истории.

Итак, нетрудно понять, почему многие историки часто не только безразличны к теории, но и, по точному выражению одного исследователя, берут на вооружение идеологию, сознательно не позволяющую развивать общую объяснительную теорию. Очевидно, что они не желают тратить большие усилия на то, чтобы овладеть ею в ущерб тому, что считают более важным и практичным. Но налицо также сопротивление навязываемым представлениям об истории как иллюстрации теории, о неумолимости законов, принижающей роль исторических деятелей и случайности, и т. п. Возни-

---

²⁷ Boulding K. A Primer on Social Dynamics: History us Dialectics and Development. N. Y., 1970. P. V.

кает более или менее осознанное недовольство «бесцельным» и практически не слишком важным теоретизированием, подогреваемое тем, что теоретики претендуют на то, чтобы «направлять» историков. Нельзя забывать также, что цели историографии и теории истории существенно различаются: одно дело возможно точнее и ярче описывать конкретные события, другое – в сильно индивидуализированных вещах искать общее.

Таким образом, как говорит Мартин Банзл, соперничество между практической историей и философией истории приводит к существованию как бы двух параллельных миров, один из которых населен историками, другой – философами²⁸.

Нечто подобное можно сказать и об антагонизме между сторонниками частных и более масштабных концепций. Первые, признавая необходимость теории, в то же время фактически один ее тип объявляют полезным, а другой – бесполезным, как якобы неэффективный, неverified, схоластический и т. п. Особенно сильна «дискриминация» в отношении законов. Такое стремление (психологически и гносеологически понятное) ограничить набор используемых теоретических средств внешне кажется практичным, но на самом деле и роняет авторитет теории в целом, и затрудняет ее применение, поскольку ведет к расползанию теории, повторению ошибок, противоречиям, ненужному дублированию.

Обладая для определенных целей практически эффективной теорией, теоретик теории среднего действия вроде бы имеет большое преимущество перед создателем более крупных концепций, тем более если последний рассуждает безотносительно к тому, каким образом его идеи могут быть использованы. Но, с другой стороны, когда первый вынужден выходить за привычное поле и начинает ситуацию в понятном им участке действительности переносить в иную систему координат, часто неизбежны перекосы, натяжки, преувеличение роли какого-то аспекта, явления, возврат к уже отжившим доктринам и т. п. В результате порой появляются взгляды, гораздо худшие по качеству, чем те, что критиковались, но которые выдаются за новое слово в науке.

---

²⁸ Bunzl M. Real History. Reflection on historical practice. L. N. Y., 1997. P1.

Недоучет того, что законы – это далеко не всегда главные инструменты познания, ведет к резкому противопоставлению события и закона, истории и теории, ибо возникает жесткая дилемма: либо законы нужно применять всегда и везде, либо их нельзя использовать вовсе. Применение же законов зависит не только, а иногда не столько от того, анализируем ли мы единичное событие или большую группу событий, сколько от того, какого рода-проблемы мы решаем, какие вопросы ставим, насколько достаточно для них средств обычного здравого смысла, чисто историографической техники или же требуются специальные теоретические исследования. В принципе (как мы говорили в первой главе) любое событие можно поставить в общий ряд и исследовать с помощью законов, но далеко не всегда это рационально. И само собой, что как средства более объемные, законы гораздо важнее в анализе эпохальных явлений и более широких исторических полотен, чем в описании коротких по времени и малых по охвату пространства отрезков истории. Но жестких границ между конкретной историографией и теорией истории ставить нельзя уже потому только, что «ценности», которые сегодня во многом определяют нашу «область интересов» (М. Вебер), достаточно быстро могут измениться. Следовательно, неисчерпаемость исторической действительности такова, что к одному и тому же событию мы вынуждены обращаться вновь и вновь, часто объясняя его каждый раз по-разному. И значит, никогда нет уверенности в том, что, если сейчас мы обошлись без законов, они не потребуются в другом случае. Опять же стоит чуть выйти за рамки определенной канвы, как возникают вопросы, которые нелегко понять без теоретических средств. Поэтому следует согласиться с Р. Коллинзом, что «нам всегда придется работать на двух уровнях: теоретическом уровне абстрактных и универсальных принципов и уровне исторических частных. Если наши теории удачны, мы будем все лучше и лучше объяснять, как конкретные комбинации переменных в теоретических моделях порождают многообразные конструкции исторических частных»²⁹. Я бы только уточнил, что нам приходится работать сразу на нескольких

---

²⁹ Цит.: Розов Н. С. Начала рациональной философии истории. Выпуск № 3. Новосибирск, 1998. С. 3.

уровнях, переходя от одного к другому, но из них два можно признать базовыми.

Значит, **применение или неприменение законов для объяснения тех или иных событий связано с эффективностью, рациональностью, удобством для исследователя.** Чем больше набор его средств и чем лучше он им владеет, тем легче и продуктивнее он работает. И поэтому закон не следует особо выделять из общего теоретического арсенала ни для того, чтобы объявить его главным и универсальным способом анализа, ни для того, чтобы представить его ненужным по сравнению с остальными. Закон стоит в ряду теоретических средств, которые в теории науки называют номологическими. Но важно помнить, что «до сих пор не удалось удовлетворительно решить проблему разграничения помологических высказываний, с одной стороны, и других общих высказываний, в особенности так называемых случайных обобщений, с другой стороны»³⁰.

Преувеличение роли какого-то познавательного и аналитического средства, будь то закон, дискурс, аналогия, культ фактологии или что-то другое, ведет в тупик, даже если удастся и решить какие-то отдельные проблемы. И неудивительно, что некоторые американские историки бьют тревогу по поводу того, что «особенно энергичные» представители «новой научной истории» «предают забвению общие цели исторической науки во имя технического решения отдельных проблем». Отсюда возникает опасность превращения истории в эзотерическую дисциплину, доступную для немногих избранных³¹. Соответственно пренебрежение каким-то инструментом есть обратная сторона преувеличения роли других (и наоборот), что неизбежно ведет к ухудшению качества анализа, а в чем-то вообще делает его неверным.

Итак, те, кто ратует за признание важной роли исторических законов, часто дискредитируют саму идею, поскольку стремятся обнаружить главные законы, которые бы могли объяснить все, даже если определенные ограничительные оговорки и делаются. По поводу подобных подходов К. Ламонт с юмором замечает: «Филосо-

---

³⁰ Тондл Л. Проблемы семантики. М., 1975. С. 407.

³¹ См.: Могильницкий Б. Г. Ук. соч. С. 18.

фия детерминизма, несомненно, близка многим, так как она, по-видимому, освобождает от усилий в разрешении их проблем и снимает озабоченность будущим, которое полностью предустановлено»³².

Но если мы откажемся от идеи универсальных законов, не отказываясь от *самого* понятия «закон», перед нами откроются значительные перспективы. Ибо, хотя и нет абсолютной системы отчета, и мы сами ее устанавливаем, «но исходя из решающего, то есть произвольного отбора, другие методы истории могут иметь строго научный характер, претендовать на универсальную значимость процесса»³³. Поэтому очень частые ссылки на непродуктивность, ненужность или бесполезность законов для историографа совершенно не являются аргументом против существования законов в историческом познании (и тем более в познании исторического процесса). Просто это показывает, что у законов, как и у других средств познания, есть свои ограничения, которые необходимо учитывать, так же как надо видеть, где проходит та грань, за которой прежде неэффективные средства становятся более эффективными, а затем и важнейшими. **И этот подход во многом снимает бесконечный спор о законах в истории.**

Таким образом, не стоит ни преувеличивать, ни преуменьшать познавательную роль закона.

Но законы нужны не только для ответа на те или иные проблемы, но и для того, чтобы компактно группировать большой материал, упорядочивать поток событий. Некоторые философы языка говорят о «систематизационной мощности помологического высказывания (теории, закона, гипотезы и т. п.). Особым случаем систематизационной мощности являются объяснительная мощность, предсказательная мощность, диагностическая мощность и т. д.»³⁴. Я думаю, что в любом законе сосуществуют все перечисленные (и некоторые другие) виды систематизирующей мощности. Однако пропорции их очень различны для разных типов законов. И поскольку законы теории исторического процесса обычно нельзя вы-

---

³² Lament C. Freedom of Choice Affirmed. N. Y. 1967. P. 28.

³³ Арон Р. Ук. соч. С. 259.

³⁴ Тондл Л. Ук. соч. С. 408, 414–415.

разить в количественных значениях, для них объяснительная мощностность и мощностность упорядочения гигантского количества фактов становятся крайне важными. Если, скажем, в историографическом исследовании остра проблема недостатка фактов (например для ранних исторических периодов), то законы играют роль гипотез, которые помогают эти разрозненные факты связать. Если, напротив, фактов более чем достаточно, но они противоречат друг другу, без теории в них не удастся выделить основную канву. А те или иные законы помогают отделить наиболее важные события от менее важных, если, конечно, не настаивать на абсолютности такого деления.

Помимо систематизирующей, в разумных дозах полезна и мировоззренческая функция законов, поскольку (переиначивая слова Риккерта) как бы ни была конкретная историография «интересна в частности, она никогда не сможет удовлетворить культурного человека, дать ему действительно широкое мировоззрение»³⁵.

Таким образом, можно пытаться интегрировать разные подходы к проблеме законов истории, усваивая их сильные места и ограничивая недостатки. В меру своих сил я и попробую это сделать во втором и последующих параграфах.

§ 2. Общие подходы к анализу законов исторического процесса

Итак, главные причины, которые дискредитируют понятия закона, – это объективизм и толкование его в классическом духе. Но несмотря на убедительную критику сторонников «неумолимых» законов, продолжающуюся уже более ста лет, и сегодня все еще весьма ощутимо это стремление открыть главный для понимания всей общественной и исторической жизни закон, чтобы разом решить основные проблемы философии и теории истории³⁶. При этом подобный поиск часто связан с попытками механического редуци-

---

³⁵ Риккерт Г. Философия истории // Приложение к кн.: Гобозов И. А. Введение в философию истории. М., 1993. С. 287.

³⁶ Вот только один пример: «Подобно тому, как река течет под влиянием силы тяжести, историей движет демографическое давление...» – категорично утверждает один историк, игнорируя массу других факторов (Нефедов С. История древнего мира. Екатеринбург, 1994. С. 250).

онизма, когда «предполагается основная редуccionная база, представленная элементами элементарного уровня, при помощи которого можно объяснить явления и процессы высших уровней. Поэтому также признается принципиальная возможность дать научный образ этих явлений и процессов высших уровней при помощи тех понятийных и теоретических средств, которые используют научный анализ элементарного уровня»³⁷. Речь идет, например, о том, чтобы обнаружить некие неизменные основы природы человека или предельно малые элементы социальной жизни и, объявив их главными, вывести из них ведущие законы и прочее. Но тогда неизбежно «встает вопрос о научной допустимости редуccion, то есть вопрос, который старый механицизм вообще не ставил»³⁸. А при поиске ответа на него очень часто обнаруживается, что целое не есть просто сумма его частей, а представляет нечто качественно большее.

Все сказанное объясняет, почему я считаю необходимым более обстоятельно задержаться на рассмотрении взглядов, стремящихся, образно говоря, представить закон неограниченным монархом истории. Они тем более досадны, что становятся убеждением даже серьезных теоретиков. Приведу цитату одного очень мною уважаемого ученого, разобрав которую, будет легче перейти к анализу принципиально важных моментов в толковании законов исторического процесса:

«...В основе развития всего человеческого общества лежит диалектика двух взаимосвязанных законов: закона стадийного (формационного) развития общества на базе и под воздействием ступенчатого развития его производительных сил и закона неравномерного развития составляющих его обществ докоммунистической эпохи. Тот и другой, по существу, являются главными в системе историко-социологических законов, с которыми имеет дело теория общественных формаций. Все остальные историко-социологические законы (соответствия производственных отношений производительным силам, классовой борьбы и другие) подчиняются их дей-

---

³⁷ Тондл Л. Ук. соч. С. 316.

³⁸ Там же, С. 317.

ствию и конкретизируют последние в тех или иных аспектах, либо на тех или иных стадиях развития»³⁹.

Стоит задержаться на этом утверждении. Во-первых, очень симптоматично выражение «законы подчиняются». Оно явно не корректно. Ведь речь идет даже не о том, что события «подчиняются» закону (что также не особенно корректно), а о том, что одни законы «подчиняются» другим. А этого-то как раз мы часто не наблюдаем в истории. И классический спор о законах, собственно, и крутится вокруг этого момента, то есть когда общее правило не подтверждается не просто в отдельных обществах или эпизодах, а в целой группе сходных случаев, которые можно рассматривать как проявление особого закона⁴⁰.

Поэтому гораздо точнее говорить о законах разных уровней, что они определенным образом соотносятся между собой, держа в уме, что в любом конкретном случае или в более мелком объеме важнейшими могут оказаться как раз законы (или причины) малого действия. Ведь в историческом процессе мы видим много систем разного уровня, которые, будучи тесно взаимосвязанны, в то же время стремятся к обособлению и подчиняются внутренним ритмам. Отсюда законы более крупных систем не всегда подходят для меньших или не всегда играют в них определяющую роль.

Во-вторых, – и это сейчас принципиально важно – очевидно, что указанные Илюшечкиным законы можно сформулировать по-иному. Ведь он и сам пишет: «Оба указанных закона взаимозависимы, взаимообусловлены и составляют в этом смысле, так сказать,

---

³⁹ Илюшечкин В. П. Проблемы формационной характеристики сословно-классовых обществ. М., 1986. С. 31. (курсив мой. – Л. Г.).

⁴⁰ В историческом материализме это было источником постоянных теоретических парадоксов. Скажем, государство объявлялось продуктом развития классовых антагонизмов, но вдруг «обнаруживался» ряд доклассовых государств. Рабовладельческий строй приписывался обществам с мизерным количеством рабов; феодализм трактовался как система господства крупного частного землевладения, но распространялся на многие страны, в которых частное землевладение отсутствовало. Буржуазные революции происходили там, где не было буржуазии, социалистические – в отсутствии пролетариата и т. п. Это было результатом наивной веры в то, что общественные законы прямо отражают реальную картину исторического процесса. Такое представление один исследователь определял как «метафизический компонент» марксистской теории истории (Zalejko G. Soviet Historiography as a «Normal Science»//Historiography between Modernism and Postmodernism. Contribution to the Methodology of the Historical Research – Poznan Studes in the Philosophy of the Sciences and the Humanities. V. 41. Amsterdam – Atlanta, GA, 1994. P. 183).

две стороны одной и той же медали. Это выражается в том, что действие первого из них (то есть стадийного развития. – Л. Г.) во многом определяется действием второго (неравномерности. – Л. Г.), который в свою очередь действует лишь в пределах, определенных первым, и лишь в направлении реализации первого»⁴¹. Но раз так, почему бы не сформулировать более крупный закон, ибо один проще, чем два? Тем более, если закон неравномерности действует лишь в определяемых законом стадийного развития рамках и направлениях. (Это, конечно, неверно, иначе бы мы не сталкивались с таким направлением, как регресс, но сейчас это не столь важно.) Тогда мы получим единый «закон стадийного (формационного) развития общества на базе и под воздействием ступенчатого развития его производительных сил с учетом неравномерного развития отдельных обществ» (я не меняю авторских формулировок и не обсуждаю их корректность).

С другой стороны, почему именно два главных закона, а не больше? Ведь из двух его законов можно «сделать» и большее количество. Скажем, первый закон легко разложить на два: закон ступенчатого развития общества и закон перехода со ступени на ступень в результате переворота в производительных силах. Могут быть и иные варианты⁴².

Это с очевидностью свидетельствует, что формулировки законов не имеют полностью не зависимый от сознания характер. Ведь

---

⁴¹ Илюшечкин В. П. Ук. соч. С. 31.

⁴² Вот еще пример укрупнения законов (также без обсуждения корректности формулировок). «Движение к адекватности основных компонентов способа производства общественной жизни – важнейший закон развития общества», который «прокладывает себе дорогу» «именно через действие конкретных законов соответствия производительных сил и производственных отношений, базиса и надстройки и т. д. ...» (Ковалев А. М. Дialeктика способа производства общественной жизни. М., 1982. С. 156, 162). Да, часто можно наблюдать движение к гармонизации и притирке общественных элементов. И это хорошо объясняется стремлением системы к закрытости или максимальной устойчивости. Недаром ведь системные законы иногда объявляют ведущими.

Но очевидно, что процедуру укрупнения законов легко продолжить. Ведь одновременно с движением к тому, чтобы гармонизировать отношения элементов, действует и противоположная тенденция на нарушение соответствия. Следовательно, можно объединить обе тенденции в один закон. В то же время нетрудно понять, что законы, которые Ковалев называет «конкретными», для многих ситуаций слишком абстрактны и требуют разукрупнения или разворачивания. Читатель помнит, сколько внимания уделено в этой книге, например, проблеме соотношения базиса и надстройки.

только в процессе познания мы делим единую реальность на части, причем это деление во многом условно, конвенционально и ситуативно. И если эту мысль принять, легко увидеть, что, раз закон понимается как **условно ограниченный нами**, а не естественно оформившийся и структурировавшийся **момент (часть) действительности**, то в зависимости от ряда причин (объема, задачи, формулировки и т. п.) он **может выделяться по-разному**. При этом число законов, с которыми придется оперировать, будет зависеть от разумной достаточности. Зачем лишние, если и без них можно получить тот же результат? Немаловажно и удобство их использования. Предположим, что мы все свели к одному закону (как, например, показано выше). Это будет рационально лишь для самого общего приближения или особых случаев (скажем, если необходимо максимально кратко и емко выразить суть дела). Более практические задачи лишают смысла подобную операцию. Ведь в столь большом блоке нам не удастся показать многие источники и движущие силы развития, сходство и разнообразие, не прибегая к фактическому разложению и уточнению данного закона.

В-третьих, из чего исходить, определяя главенство законов? Например, по моему мнению, абстрактно утверждать, что закон соответствия производственных отношений производительным силам подчиняется закону стадийного развития, равнозначно спору о том, что было раньше, яйцо или курица. Ведь согласно цитате, формационное движение идет под воздействием ступенчатого движения производительных сил. А ясно, что переход последних на более высокую ступень возникает именно в результате нарушения их соотношения с производительными силами и его восстановления на новом уровне.

Стало быть, речь о главенстве закона может идти только в очерченной системе координат. Илюшечкин вроде бы и определяет границы своего утверждения (что, кстати, делается учеными далеко не всегда). Он оговаривается, что речь идет о «системе историко-социологических законов, с которыми имеет дело теория общественных формаций». Однако стоит вспомнить, что в историческом материализме данная теория имела дело не просто с историческим процессом, а с гораздо более широким масштабом: теорией исто-

рии плюс то, что я называю социологией истории, плюс значительная часть философии истории. В такой необъятной системе невозможно говорить об одном-двух-трех главных законах. Даже в более узкой области теории исторического процесса сделать этого нельзя.

В самом деле, почему мы утверждаем, что в историческом процессе главные – законы формационного развития и (или) неравномерности развития? А разве нельзя сказать, что главным будет закон все более тесного сближения обществ? А будет ли неверным заявить, что таковым является закон все большего ускорения развития человечества под влиянием ускорения развития производства и науки? А не может ли быть главным закон, согласно которому развитие идет не по одной линии, а по целому ряду, причем лишь отдельные из них ведут к прогрессу, а другие – в тупик? (или как вариант представить эти линии равнозначными). А так ли уж неправ Спенсер, выдвигая на первый план общеэволюционный закон развития от аморфной однородности к определенной (дифференцированной) разнородности? В значительной мере можно согласиться и с другим законом подобного масштаба, «которому подчинено как человеческое развитие, так и развитие животного и растительного царства». Он «состоит в том, что всякое изменение как обществ, так и видов может быть сведено к изменению в окружающей среде. Где эта среда остается неизменной, там остаются неизменными и населяющие его организмы и организации. Новые формы организмов и общественных организаций появляются лишь в результате приспособления к изменившейся среде»⁴³. Можно привести и еще целый ряд таких законов, действительно исключительно важных.

Сказанное лишний раз подчеркивает мысль, что, поскольку поле исследования необъятное, **одной формулой, одной категорией, одним законом или прозрением дела не решить**. Настаивать на каком-то строго определенном количестве однозначно главных законов может только объективист. Ибо он верит в то, что законы есть некий вечный и изначальный порядок, своего рода обособленная и структурно оформленная сила, а не в то, что законами мы называем определенные свойства какого-то класса (выделяемого нами!) явлений реальности, которыми последние обладают не толь-

⁴³ Каутский К. Материалистическое понимание истории. Т. 2. М. – Л., 1931. С. 630.

ко в самой разной степени, но и в самом разном сочетании с другими свойствами (законами). И только в процессе познания эти свойства принимают логически четкий и оформленный вид «разложенных по полочкам» понятий.

Поэтому идея главных законов имеет смысл, только если признать значительную условность такого деления по важности. Но и тогда **выделение одного-двух относительно главных законов рационально лишь для определенных систем координат или особых аспектов исторического процесса**. Причем такая операция даст правильные результаты лишь при точно поставленных задачах и соблюдении ряда правил, о которых мы еще скажем. Следовательно, закон стадиальности развития, то есть утверждение о прямой связи стадий исторического процесса с определенными ступенями развития производительных сил, может действительно стать ведущим, но только в более узких рамках периодизации исторического процесса, и то при четко заданных параметрах, с допущениями и в общем виде (то есть лишь для генеральной линии исторического процесса). И вот в таких строгих границах проблема **относительно** большей значимости каких-то сил, факторов, составляющих приобретает весьма важный характер. Например, в подобном плане можно говорить о выделении одного элемента системы как основания для периодизации исторического процесса.

Таким образом, в теории исторического процесса **базовым** уровнем для выделения и использования относительно главных законов будет уровень отдельных важных аспектов или крупных магистральных задач этой теории. Здесь число наиболее важных законов невелико, а их действие легче проследить. Связь же указанных аспектов между собой – особый этап теоретизирования. Необходимо добавить, что, хотя различных участков и аспектов можно выделить много, далеко не все из них (а меньшинство) окажутся плодотворными и удачными. Значит, их нет нужды и анализировать. Следовательно, при сравнении конкурирующих теорий исключительно важным становится вопрос **экономии** сил и времени исследователей, или, говоря по-иному, вопрос наибольшей методологической, познавательной, систематизационной или какой-то иной роли законов и других средств познания.

Продолжая начатый в прошлом параграфе разговор по поводу замечания Поппера о применимости законов лишь к определенным областям истории, стоит подчеркнуть, что есть смысл вести речь об относительно главных законах и в рамках теории исторического процесса в целом (как и других крупных блоков обществознания). Однако это будет уже не базовый уровень, во-первых, потому что в данном масштабе таких законов становится гораздо больше; во-вторых, они как бы начинают стремиться к укрупнению.

Такие уточнения и ограничения дают нам шанс совместить идею объективизма о мощной объяснительной силе законов, с одной стороны, и справедливые утверждения противников детерминизма о невозможности объяснить ход истории одним-двумя законами.

Сужение сферы действия главных законов делает их более познаваемыми и признаваемыми, но все еще не позволяет сделать их достаточно удобным средством анализа. Ведь даже и в ограниченном нами объеме отдельный закон слишком широк, чтобы его просто прикладывать. Он повисает в воздухе без того, что можно назвать методикой или даже «инструкцией» его применения, соответствующими его характеру и типу и включающими в себя: указание на то, когда его действие наиболее заметно, ярко или значимо; формулировки для разных уровней и аспектов; определение вариантов проявления закона. Возможно и нечто вроде «таблицы», т. е. характеристики его «поведения» для разного вида обществ или периодов.

Сказанное тем более относится к глобальному закону, проявления которого могут быть безграничными (хотя все их исследовать обычно и не нужно). Но коли автор вводит его в научный оборот и объявляет важным, он должен хотя бы обрисовать общие подходы и определить условия для его реализации. Это позволит многое о законе предположить, понять, насколько он практически важен и применим, и наверняка избавит от желания видеть его всегда и везде важнейшим и все определяющим. Если подобная работа приобретет хоть какую-то систематичность, то скоро обозначатся правила и принципы формулирования и применения законов, причем не

только для теории исторического процесса, но и многих других областей обществоведения.

Признание существования разных типов законов и особенностей использования каждого из них, вероятно, лишит силы и вечный аргумент противников законов, которые доказывают их бесполезность тем, что конкретные проявления последних нередко различаются между собой и не совпадают с общей формулировкой. Но они исходят из классического представления, где единообразие случаев, подпадающих под закон, как бы разумеется само собой. Так же рассуждают и объективисты. Поэтому отсутствие такого единообразия было постоянным источником дискуссий в советской науке. Некоторые надеялись разрешить это противоречие, разграничивая понятия общих и специфических законов. Но, разумеется, в рамках объективизма удачным такой подход быть не мог. По поводу таких попыток Д. Белл иронизировал: «Для теоретика Глезермана существуют «общие» и «специфические» законы. «Общим» законом социального развития является то, что социализм как новая общественно-экономическая формация неизбежен. Но поскольку каждая страна, проходящая через капитализм или минующая его, не обязательно должна следовать по одному и тому же самому пути, существуют также «специфические» законы. Поскольку в ходе истории существует так много вариантов, логика аргументации ведет к тому, что мы вскоре обнаруживаем существование «специфических» законов для каждого случая! Такова цена этой теории»⁴⁴.

Но и позиция самого Белла небезупречна. Ибо абсурдно требовать точного повторения. Совершенно естественно, что разные общественные системы могут вести себя по-разному, даже двигаясь в одном направлении. Мало того, если исходить из идеи, что **законы исторического процесса являются особым, связанным с развитием типом законов**, и учесть ограниченность случаев, подпадающих под них, невозможность повтора событий и экспериментов, то становится логичным утверждение, что **они по самому своему характеру должны предполагать ряд вариантов реализации**.

---

⁴⁴ Цит. по: Диалектика общего и особенного и историческом процессе. Философские проблемы общественного развития. М., 1978. С. 35.

Поэтому работа в области поиска более точных и емких формулировок таких законов может быть успешной, лишь когда удастся найти правильную методiku соотношения общей формулы и частных проявлений. А наилучший путь для этого, как мне кажется, – такой способ выделения общего в частных случаях, который действительно позволял бы увидеть их важные сходства, но принципиально не требовал, чтобы это общее в каждом конкретном случае обязательно считалось главным или чтобы весь спектр характеристики общего был полностью представлен в частном. Причем такое соподчинение должно идти вместе с поиском методики перехода от одного к другому.

Если бы число главных законов было ограничено, если бы они оставались главными постоянно, то, познав их, мы бы poznали в основном действительность, и нам осталось бы нанести лишь некоторые штрихи. Иерархия законов по значимости и их основные формулировки не менялись бы в зависимости от состояния науки, общественного развития, постановки проблемы и прочего. Однако это не так в отношении любой области (даже систем геометрии может быть много). Но особенно заметна подвижность, относительность законов в социальной и (тем более) исторической реальности. Это вытекает из специфики последних, и каждый теоретик, признает он законы или нет, ощущает крайнюю сложность адекватного их описания. И неудивительно, что о социальной теории говорят как о весьма неопределенном и подвижном объекте, поскольку отсутствует согласие даже по ее главным и базисным моментам⁴⁵. Также вполне объяснимо, почему перестали пользоваться понятием общественных законов. Но недостатки этого инструмента познания устранимы, если учитывать различие типов законов и использовать особую методiku их применения.

Итак, мы не отказываемся от признания важной теоретической роли законов, но отвергаем мысль о существовании одного или нескольких абсолютно главных законов и переносим базовый уровень действия относительно главных на отдельные аспекты теории исторического процесса. Однако эти посылки открывают путь к неожиданной идее о бесконечном количестве

---

⁴⁵ Social Theory Today. Oxford, 1988. P. 10.

возможных законов. Каким образом? Вспомним еще раз, что действительность мы можем постичь не тотально, а лишь в частностях. А научные законы охватывают условно выделенные нами участки действительности. И поскольку она видится бесконечной, то и число комбинаций по условному выделению таких частей реальности в принципе не ограничено, тем более что они, фигурально выражаясь, могут накладываться друг на друга и частично совпадать. Поэтому и число возможных законов так же бесконечно, как бесконечна сама постигаемая реальность⁴⁶ (но только в принципе, а не на практике. О практике будет речь позже).

Однако при анализе бесконечности возникают и достаточно неожиданные для обычного сознания вещи. В математике есть такое интересное правило, что в бесконечном ряду чисел бесконечно и количество чисел, имеющих какие-то особые свойства. Например, хотя количество чисел, делящихся нацело, скажем, на пять, в пять раз меньше общего количества целых чисел, тем не менее и оно бесконечно. Следовательно, и **число главных законов**, хотя их и меньше, чем всех, **в принципе бесконечно**.

Чуть дальше мы подробно рассмотрим следствия, которые вытекают из такого неординарного утверждения. Сейчас же отметим, что оно хорошо объясняет, почему нередки случаи, когда ученому, открывшему нечто, кажется, что это коренным образом переворачивает науку. Если число главных законов не ограничено, значит открытие таковых вполне реально, хотя вовсе не обязательно требует перестройки данной области знания. Но если исследователь думает, что количество подобных законов должно быть малым, и, с другой стороны, видит, что выведенный им закон реален, он приходит к идее, что его открытие требует переосмысления всей научной системы. Естественно, это обычно воспринимается коллегами как мания величия. Однако правота есть и с одной, и с другой стороны.

---

⁴⁶ При этом я исхожу из того, что реальность есть нечто единое. Правда, ее можно представлять и по-другому, например, как постмодернисты – в виде совокупности «слабо связанных между собой фрагментов» (см.: Шандыбин С. А. Постмодернистская методология и вопрос политического ангажирования социального исследования (на примере этнологии)//Философия и общество. 1998. № 2. С. 179). Но при таком взгляде количество комбинаций тем более представляется бесконечным, ибо оно еще сильнее зависит от условности нашего выделения. Однако я думаю, что установка на дискретность не слишком продуктивна, более удачно представлять реальность как целостность, пусть и не всегда системную.

Просто открытие является важным, но в определенной системе координат, и поэтому его автор должен обозначить их, показать, как это связывается с общим знанием, что именно и каким образом нужно пересматривать и уточнять, тем более, если аналогичные выводы удастся получить и иным путем.

Одним из психологических подтверждений сказанного может послужить рассказ волгоградской ученой, которая выдвинула «закон двойной инверсии обратной связи» (смысл его было бы долго пересказывать). Любопытно другое. Она пишет: «Осознав, что мне удалось выйти на новое знание – сформулировать новый закон, объясняющий специфику регулирования разных стадий развития эволюционирующих систем и механизм перехода из одной стадии в другую, я решила провести то, что называют патентным поиском, – в доступных мне источниках.

Каждый раз с замиранием сердца я открывала новую книгу или статью, где, мне представлялось, возможно было упоминание подобного закона, и каждый раз с удивлением обнаруживала, что этого там нет»⁴⁷.

Мне самому хорошо известно такое чувство. И меня очень удивляло, что именно мне пришли в голову те или иные идеи, казалось бы, лежащие на поверхности. Они выглядели для меня главными и объективными законами (и действительно были важными идеями, но в определенных рамках применения, как я понял позже). И именно мысль о том, что к сходным выводам часто удастся прийти с диаметрально противоположных позиций, была одним из составных моментов идеи, что **реальность настолько многообразна, что ее можно комбинировать по-разному, и значит, число аспектов такого анализа, а следовательно, и главных законов, теоретически не ограничено, хотя практически жесткие ограничения, конечно, имеются. Но в любом случае это открытая система с неопределенным числом членов.** При таком подходе устраняются излишние амбиции, повышается вера в ценность открытий среди обществоведов, на автора открытия ложится дополнительная ответственность по методологическому внедрению

---

⁴⁷ Мальцева Н. А. Человек и человечество на пути к устойчивому развитию. Волгоград, 1996. С. 162.

своих новаций в общую систему. Отсюда возрастает интерес к общим теоретическим вопросам и методологии. Что же вытекает из положения о неограниченном числе главных законов? Ведь оно сильно контрастирует как с объективистскими представлениями о небольшом количестве доминирующих законов⁴⁸, так и с утверждениями, что в истории о законах вести речь нет смысла. Как будет выглядеть теория исторического процесса, если его принять?⁴⁹ (Приведенные ниже следствия можно вывести и из аналогичных вопросов к другим гносеологическим и методологическим положениям, следовательно, они касаются не только данной теории, но и иных блоков обществоведения.)

1. Прежде всего становится ясно, что степень важности законов не есть постоянное качество, а зависит, говоря физическим языком, от положения наблюдателя. И, используя этот «принцип относительности», мы должны для каждой задачи или области исследования избрать особую систему координат (что не будет слишком сложным делом, если войдет в практику). И уже в этих рамках можно говорить об **относительно** главных для нее законах. Проблема переносится, следовательно, из метафизической плоскости в методологическую, поскольку теперь она во многом упирается в наиболее рациональную методику определения степени важности законов и других теоретических средств. Будет кстати сказать, что, подчеркивая противоположность абсолютной и относительной важности законов, следует учитывать и разную степень самой относительности. А она сильно колеблется: от эпизода в конкретной и преходящей задаче до общепризнанного в течение длительного

---

⁴⁸ Можно спорить, сколько главных законов признает исторический материализм, но, думаю, не более пяти-шести, в крайнем случае, если очень постараться, десяти. Гвидон Залејко вообще насчитал только четыре: прогрессивного развития производительных сил, ответственности производственных отношений производительным силам, классовой борьбы и социальной революции (Zalejko G. Op. cit. P. 183).

⁴⁹ Исследователь мышления Макс Вертгеймер говорит о важности подобных вопросов для науки вообще. Относительно физики он пишет: «Читатель может вспомнить историческую ситуацию. Физики прошлого пытались построить *perpetuum mobile*. После многих безуспешных попыток внезапно возник вопрос: как бы выглядела физика, если бы фундаментальные законы природы делали невозможным существование *perpetuum mobile*? Став центральным, этот вопрос привел к огромным переменам (Вертгеймер М. Продуктивное мышление. М., 1987. С. 257–258).

времени момента науки. В последнем случае относительность как бы существенно приближается к абсолютности.

Таким образом, появляется надежда совместить две противоположные идеи: о невозможности подчинить историю законам и о продуктивности ее исследования с помощью законов. К тому же признание факта существования множества законов открывает перед нами и надежду найти более емкие и глобальные формулировки, более фундаментальные свойства, что, собственно, и является магистральным путем науки.

2. Законы теперь становятся одним из ряда средств анализа. И, стало быть, если они перестанут претендовать на «гегемонию» в исследовании исторического процесса и тем более истории, отношение к ним должно измениться. Тем самым вопрос об использовании законов превращается из априорного спора об их свойствах в вопрос об их преимуществах или недостатках в каждом конкретном случае. Разумеется, при внедрении в практику необходимости доказывать обоснованность выбора тех или иных теоретических средств появляется надежда обнаружить и четкие общепризнанные критерии такого предпочтения. А отсюда прямой путь к поиску общего и особенного в разных теоретических и методологических инструментах, что должно их сделать более точными и тонкими.

Таким образом, принятие тезиса о бесконечности законов (и ему аналогичных) неизбежно требует от нас окончательно расстаться с надеждой раз и навсегда решить основные проблемы, то есть отказаться от своего рода идеи «вечного двигателя» в общественности, и в то же время заставляет искать пути сближения различных теорий и аспектов, что открывает исключительно важные перспективы.

3. Образуется как бы некий концептуальный симбиоз, в котором онтология, гносеология и методология, особенно на высоких уровнях обобщения, не просто сближаются, но теснейше переплетаются. (Ныне же они и обособились, и противоречат друг другу.) Гносеология при этом позволяет более продуктивно выбирать участки, ракурсы, аспекты анализа и (при отказе от надежды познать «главное») требует от нас гораздо больше внимания обращать на то, насколько ясно и точно мы понимаем и сам процесс

познания, и нашу рефлекссию над ним. Это прояснит причины, препятствующие более точному познанию, и заставит искать пути устранения или уменьшения их негативного влияния.

Идея о том, что могут быть разные исходные посылки, точки отсчета, системы терминов и прочее для описания одной и той же области онтологии, наряду с некоторыми другими посылками представляет определенную гносеологическую основу для сохранения минимального единства даже в условиях плюрализма. Но последний должен вести не к анархии, а к поиску средств для определения точек единства этих, по Попперу, интерпретаций, чтобы сделать наше знание более точным и адекватным. Однако чего-то существенного в этом плане можно добиться только с помощью методологии.

Отсюда правильная гносеология дает и продуктивную методологию, ибо первая может скорректировать свои положения с практикой только через вторую. В этом смысле методология становится как бы результирующей и гносеологических, и онтологических сторон нашего исследования. Она, образно говоря, играет роль своего рода системы мостиков между многочисленными частными теориями (и относительно главными законами) разного уровня. Таким образом, создается нечто действительно более единое, чем нынешнее сосуществование (причем отнюдь не мирное) многочисленных и все множущихся теорий. Тем более, что эти знания служат базой для слишком большого числа доктрин разного радиуса действия, которые противоречат друг другу и запутывают любого, кто попытается выйти за их рамки. Но, конечно, это не монолитное объективистское единство, когда из нескольких посылок чуть не априорно выводится все остальное или когда закон, годящийся для определенных случаев, «натягивают» на всю теорию. Мы понимаем, как много искусственного, условного и договорного в наших концепциях, частью неизбежного, частью отражающего слабость индивидуальных знаний или современного уровня науки.

Достижение указанного единства открывает большие перспективы как в области создания частных теорий, только с более ясным пониманием их места в более широкой системе, так и в том, чтобы снять многие проблемы, устранить дублирование, примирить неко-

торые противоречия, укрупнить или ограничить различные доктрины, – словом, сделать за счет методологии эту область более упорядоченной, но несколько не подавляя свободу поиска, а лишь облегчая его.

4. Без сомнения, остро требуется структурирование и упорядочение слишком объемного знания, каким предстает даже теория исторического процесса, не говоря уже о всем социальном блоке. Если отказаться от мысли, что общественные законы действуют всегда и везде, то поиск путей для указанной систематизации неизбежно ведет к появлению технологий, дающих действенные и общепризнанные средства анализа идей и теорий. Важнейшим среди них, по моему мнению, может стать необходимость точно определять место и случаи применения теории и проверка этих заявок. Ведь как справедливо говорят некоторые аналитики, концепции лишь тогда могут быть фальсифицированы, когда известно, где они применимы. Другой ведущий принцип проверки и отбора идей связан с тем, насколько удобно переходить от этой системы отсчета к остальным, насколько удастся интегрировать ее в общее знание.

5. Таким образом, теория исторического процесса превратится из чистой онтологии в значительной мере в методологическое обоснование набора теоретических средств, с помощью которых мы можем сформулировать знания о его основных направлениях, тенденциях, измерениях, этапах, движущих силах и т. п., что позволит гораздо легче решать более частные проблемы теории истории и анализа современности. Соответственно изменятся во многом и проблематика и техника исследований.

Необходимость же для исследователей точно и ясно описать, где, как, в каких случаях и с какими ограничениями применимы их идеи, ведет к тому, что первый этап такой работы по проверке истинности и ценности концепций вынуждены будут делать сами авторы, одновременно указывая, как их выводы вписываются в общее знание. Тогда и критика будет более продуктивной. Это избавит социальную науку хотя бы от части лишних споров, ненужной траты сил и массы абсолютно пустых и внутренне противоречивых работ, авторы которых даже и не думают над тем, зачем и для чего они пишут. Они просто пользуются тем, что в обществоведении

нет ясных методов проверки теорий, что все привыкли к тому, что можно писать едва ли не то, что приходит в голову, не затрудняя себя хотя бы элементарной логикой.

6. Таким образом, общественная теория станет намного более объемной и в то же время более внутренне связанной, ибо отпадет необходимость в создании и отбрасывании огромного множества идей и теорий, из которых становятся известными лишь немногие и часто совсем не самые удачные. Ибо «естественный отбор» в условиях отсутствия четких методов проверки верности и важности концепций сводится к победе тех, кто имеет больше возможностей для рекламирования или занимает лучшие места в науке, кто сумеет создать больше эффектной шумихи вокруг своей работы. Масса теорий, которые сегодня оказываются неизвестными или невостребованными, смогут служить, если найти им сферу точного применения, показать, как они вливаются в общее знание, и т. п. Естественно, что это изменит продуктивность общественной науки и вообще ее роль. Есть также надежда, что в ходе такой работы многое может быть конвенциализируемо, чтобы уменьшить хотя бы терминологическое дублирование и чрезмерную многозначность терминов.

Таким образом, от противоположности абсолютного универсализма или от полного отказа от поиска общего мы переходим к работе над относительным порядком и единством как внутри крупных блоков нашего знания (типа теории исторического процесса), так и между ними. Последнее и позволит точнее увидеть границы между этими областями и понять условность всяких границ. И все же при столь высокой степени относительности невольно закрадывается сомнение: а не «является ли вера в научный метод только суеверием ученого, свойственным тому виду игры, в котором он участвует?»⁵⁰ Как же здесь не запутаться и не впасть в крайний релятивизм?

Во-первых, надо уточнить принципиальное соотношение между областью наших интересов в целом и теми системами координат, которые мы строим для определенных целей внутри нее. Риккерт говорил, что мы нуждаемся в чем-то вневременном для того,

---

⁵⁰ Рассел Б. Человеческое познание. М., 1957. С. 348.

чтобы придать временному историческому процессу объективный смысл. Сам он, как известно, пытался решить эту проблему за счет понятия ценностей, в том числе за счет разработки всеобщей системы ценностей. Конечно, «вневременное» в качестве опоры при рассуждениях необходимо, но, мне думается, нет возможности (а в общем-то и нужды) считать его вечно неизменным. И для «вневременного» также есть своя система координат, то есть оно будет константой только по отношению к чему-либо, что существенно меньше его по объему и охвату. Примерно так, как Земля есть нечто постоянное ко многому, находящемуся на ней, но это не значит, что она вечна и неизменна в принципе. В нашем случае пока есть исторический процесс (или – если оспаривать это понятие – некий непрерывный поток исторических, т. е. преходящих событий) и пока есть непрерывная традиция попыток понимания, осмысления и объяснения этого процесса, есть и масштаб «вневременного», с которым мы можем связывать меньшие системы координат.

Во-вторых, история науки показывает, что ни в коем случае **не следует проводить какой-то принцип до его абсурдности**. Так, скепсис в отношении возможности познания переходит в агностицизм, а то и солипсизм. Так, идея опираться только на факты преобразуется в концепцию отказа от крупных обобщений. Так, верная мысль об особенностях познания истории перерастает в концепцию невозможности исследовать ее теоретическими средствами.

Важная проблема философского языка искажается требованием отказаться от философской проблематики как якобы метафизической. Стремление к выявлению структурных свойств и постоянств дошло в развитии структурализма до чрезмерного занижения роли субъекта⁵¹. И т. п. вплоть до сегодняшнего постмодернизма, который во многом правомерные утверждения об «исторической относительности и зависимости любой истины и любого знания от языка и культуры»⁵² довел до абсурда. В результате в принципе разрешаемые проблемы неоднозначности смысла и интерпретаций

---

⁵¹ См. об этом: Шандыбин С. А. Ук. соч. С. 182–183.

⁵² Тарнас Р. История западного мышления. М., 1995. С. 341.

текстов и необходимости самоанализа историка над собственным творчеством переросли в едва ли не полный отказ от признания истории как реальности, существующей вне дискурса (и нашего сознания), и отсюда в попытку стереть грань между литературой (т. е. вымыслом) и историографией, т. е. фактами, хотя бы в той или иной степени и спорными⁵³. Впрочем, по сути, отрицаются и сами различия между фактами и вымыслом на основании того, что в отдельных случаях между ними действительно сложно провести границу.

Мне кажется, что в какой-то мере постмодернизм есть одна из реакций на ускорение темпов развития, в результате которого все элементы общественной системы находятся в движении и развитии, поэтому в каждый момент они становятся заметно не равны сами себе. И сознание никак не успевает их идентифицировать, дать им четкую характеристику. Поэтому начинает казаться, что объективность вообще уходит. Бесспорно, постмодернизм нанес сильный удар по объективизму, остро поставил ряд эпистемологических проблем, сделал лингвистический анализ «исторического нарратива» дополнительным мощным инструментом познания. Но

---

⁵³ Это новый этап давнего спора по поводу ее назначения. Один из современных авторов пытается найти баланс между разными ролями истории. Он пишет, что попытки, делавшиеся в XX столетии, представить историю либо как форму науки, либо как форму литературы, совершенно ошибочны. История – это не концепция, а деятельность особого рода. И первая задача философа в его трактовке – осознать специфическую природу этой деятельности в ее всестороннем значении. Он полагает, что история лучше понимается как бесконечная дискуссия, составляющая важную часть продолжающегося диалога человечества (Stanford M. An Introduction to the Philosophy of History. P. VIII). Однако хотя в зависимости от целей исследователя та или иная из задач историографии может выходить на первый план, мне кажется, что все же в общем смысле научная функция должна преобладать. Ведь легко представить историю, изложенную сухо, с обращением к расчетам и формулам. Но представить ее игнорирующей факты, просто как полет фантазии – невозможно.

В приведенном высказывании затронута также важная функция истории – идеологическая, ибо деятельность, о которой идет речь, безусловно, связана с обретением и сменой идеологий (в широком смысле слова). И эта функция тем значимее, чем выше уровень обобщения. Там, где факты имеют более научную форму проверки и тем самым приобретают особую доказательность (например в археологии), там она менее существенна. Поэтому указанная функция в целом не является специфической для истории. А вот опора на факты (при всей дискуссионности этого понятия), стремление наивернейшим способом их подтвердить и сгруппировать, была, начиная с момента достижения зрелости историографии, и остается наиболее **специфической** ее частью, без которой она как особая **деятельность** исчезает. Разумеется, характер источников, скудость или обилие фактов и многое другое диктуют свое историку, но это уже иной вопрос.

как идеология, как позитив на перспективу он ничтожен. Это путь в мелкотемье, эпигонство, эстетство, формализм и декаданс. Поэтому не могу удержаться, чтобы не привести цитату, разоблачающую бесплодность этого течения. Это «квазинигилистическое отрицание всех и всяческих форм «тотализации» и «метаповествования» – любых устремлений к интеллектуальному единству, цельности или всеобъемлющей связности – и само-то представляет собой позицию вовсе не безупречную, поскольку, основываясь на собственных же принципах, она, по сути, способна оправдать себя ничуть не больше, чем все те метафизические построения, против которых постмодернистское мышление и ополчилось... Собственно, единственным постмодернистским абсолютом является критическое сознание, которое, разложив все и вся на части, по-видимому, следуя своей же логике, неудержимо стремится совершить подобную деструкцию и с самим собой. Таков шаткий парадокс, на котором и балансирует все постмодернистское мышление»⁵⁴.

Итак, мне крайне не хотелось бы, чтобы указанный тезис о неограниченном числе законов восприняли так, чтобы довести его до крайности. **Принципу следуют до разумных пределов.** В природе и реальности вообще нет абсолютно чистых вещей и явлений, и в них всегда есть что-то от противоположности. Есть обычно также пограничные, переходные и иные ситуации. В нашем случае необходимо констатировать, что хотя мы приходим к идее о неограниченном числе относительно главных законов, **но на пути этой неограниченности встает много практических ограничений.**

Во-первых, ясно, что какие бы объемные обобщения мы ни делали, все равно мы всегда постигаем только часть реальности либо видим ее сразу лишь в одном измерении из многих. И, следовательно, основное большинство законов нас мало интересует⁵⁵. А в каждой выбранной нами системе координат (аспекте, ракурсе, области

---

⁵⁴ Тарнас Р. Ук. соч. С. 341.

⁵⁵ Эту многомерность можно увидеть и в малых масштабах. Например, Гемпель совершенно справедливо говорит, что полное объяснение какого-либо исторического события (то есть объяснение во всех мыслимых аспектах и следствиях) невозможно. Поэтому он уточняет: «Индивидуальные же события, в принципе допускающие их объяснение охватывающими законами, то есть события, описываемые утверждениями, можно принять за *частные аспекты или факты конкретных событий*» (Гемпель К. Ук. соч. С. 80).

и т. п.) количество главных законов многократно уменьшается по сравнению с их общим числом.

Во-вторых, целый ряд моментов продолжает уменьшать и число относительно главных законов в уже избранной нами системе координат. Это связано и с практическим удобством, и с общественной потребностью, и с актуальностью самой проблематики, и с уровнем наших знаний.

В-третьих, на отбор относительно важных законов будет очень сильно влиять соответствие формулированных или избранных законов общепринятым фактам и логике. Ибо тут не может быть речи о свободе от них, тут нельзя сочинять «кентавров». Если о законах можно говорить, что они не объективны, то реальность-то объективна. Поэтому расхождения обобщений и фактов должны быть постоянными моментами истины и источниками тревоги, пунктами, от которых начинаются все новые попытки разрешения этих проблем, в том числе и путем уточнения сферы приложения данного обобщения или закона.

В-четвертых, поскольку перед нами встает задача, **как конечными и ограниченными средствами изобразить бесконечное**, мы сортируем законы по их потенциам, удобству применения, объяснительной силе и т. д.

Таким образом, при выборе относительно главных законов (как и других теоретических средств) можно руководствоваться рядом правил. Назовем только некоторые из них: а) правило соответствия законов задачам, поскольку изменение масштабов, объемов, границ и т. п. может потребовать изменения числа или иерархии законов; б) правило экономии средств, в частности, достаточного минимума средств для решения задачи; в) правило отсутствия (минимизации) опровергающих фактов; г) правило удобства использования и легкости интеграции в общую концептуальную систему. Соответственно, чем органичнее закон в нее вписывается и чем меньше перемен в ней влечет, тем, при прочих равных условиях, он полезнее, а сама схема – ценнее; д) правило максимального охвата спорных моментов, когда новое положение «примиряет» стороны антиномии или находит место для ряда дискуссионных точек зрения. В этой книге такие попытки делаются постоянно, и в данной главе

тоже. Естественно, что ни эти правила, ни принципы не должны рассматриваться как догмы.

При таком подходе множество «законов» отпадает или попадает в адекватное им поле. Следовательно, «бояться» утверждения о бесконечности числа главных законов нет причины. Ведь действуют многочисленные ограничения, а при большем внимании к этим методологическим проблемам возникнут и достаточно четкие правила отбора⁵⁶.

Итак, очевидно, что на практике **число главных законов** в какой-либо области знания или для решения той или иной задачи **ограничено, но строго не зафиксировано**. И это последнее крайне важно, поскольку надо всегда оставлять место для новых открытий, уточнений, обобщений, изменения угла зрения и т. п., в результате чего комбинация относительно главных законов может измениться. Жестко определять число главных законов почти то же, что строго ограничить число главных событий для исследователя какой-то эпохи. Разумеется, часть таких событий ясна и лежит на поверхности. Но по мере углубления в проблему становится видно, как одни события переходят в другие, как они соединяются или дифференцируются в зависимости от точки зрения и аспекта, как неожиданно выходят на авансцену новые, до того остававшиеся в тени.

Тем более, это касается теории исторического процесса, уровень обобщения которой для относительно главных законов выше базового (т. е. такого, в котором их число мало, а действие соответственно заметнее). Здесь их гораздо больше и они активнее переходят друг в друга. Естественно, что я и не стремился строго определить количество главных законов для данной теории, ибо это было бы метафизикой. Но если бы вопрос был поставлен жестко, то, помимо двух названных (формационного развития и неравномерности), я отметил бы еще те, без которых, мне думается, вообще невозможно в целом описать и смоделировать исторический процесс: закон ускорения развития и сближения обществ; законы близости к генеральной линии и формационных сходств по горизонтали; закон

---

⁵⁶ Если корректно, можно привести такой пример. Хотя обычно конституция говорит, что президентом может стать любой гражданин, на практике у абсолютного числа людей нет никаких шансов стать им. А из ряда претендентов в конце концов остается один, хотя бы порядок его выборов и вызывал нарекания.

соответствия формационных характеристик (о всех них пойдет речь в следующих параграфах). Но, во-первых, формулировки этих законов могут меняться, и их можно укрупнять и разукрупнять. Во-вторых, связь и взаимодействие между законами весьма велики, поэтому и границы между ними достаточно относительно и подвижны. В-третьих, есть и еще целый ряд законов, без которых очень важные моменты исторического процесса не объяснить⁵⁷. В-четвертых, надо помнить и о том, что между принципами, постулатами, законами и категориями нет жесткой границы, и они могут быть представлены друг через друга.

Таким образом, в конечном счете мы сами определяем минимально необходимое количество относительно главных законов, в то же время отдавая себе отчет: а) это число может быть изменено под влиянием различных важных причин, например изменения наших знаний; б) по мере спуска к более конкретным или боковым задачам главность законов и их иерархия в этом плане могут (и даже должны) меняться.

В результате, если мы систематизируем законы, определим их типы и прочее, то увидим, что чем больше их сформулируем, тем ближе они окажутся друг к другу, тем сильнее будут налагаться друг на друга, дублировать друг друга, тем более густая получится «сеть». Мы же определяем нужный нам «размер ячейки». При этом станет ясно, где и когда такие законы можно укрупнить, например объединить противоположные тенденции или сходные явления в разных подсистемах в один закон, либо, напротив, разукрупнить его.

Таким образом, рамки действия, область применения законов различны и определяются разными моментами. И от исследователя потребуется известное напряжение, чтобы с нужной степенью точности определить эти границы. В этом ему способны помочь

---

⁵⁷ Однако законы, которые относятся только к отдельным периодам исторического процесса, мы в рамках теории исторического процесса не будем рассматривать как главные, хотя именно им противники исторических законов и делают обычно «скидку». Так, скажем, З. Джорден говорит, что законы, специфичные для определенных формаций, еще, возможно, поддаются научному анализу и проверке, общесоциологический же закон смены формаций якобы принципиально непознаваем с помощью такого анализа (см.: Черняк Е. Б. Дискуссии об узловых теоретических проблемах всемирной истории//Современная зарубежная немарксистская историография (критический анализ). М., 1989. С. 35). См. также: Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 213.

уже некоторые предварительные методологические правила, которые я изложу тезисно.

А. Надо подобрать к закону, так сказать, ему обратный, противоположный, чтобы создать полную картину.

Б. Следует рассмотреть те события (явления, факты и прочее), которые мы относим к выделенному закону, в разном контексте. Разумеется, на первых порах мы владеем не всеми, а только частью из них, но и этого было уже достаточно, чтобы сделать первоначальную формулировку закона. Поместим эти события в то, что я называл «спектром качества», т. е. поставим их как бы в один ряд по избранному качеству. Нам, вероятно, удастся добавить в него и дополнительное количество единиц аналогичных в избранном аспекте явлений. Затем поместим эти события в прямо противоположный им ряд. Тогда мы легче увидим и истинный масштаб различий между крайностями, и единство этих противоположностей, а также область переходов между ними.

Теперь станет яснее и объективнее, и условнее выявленного нами качества (свойства и т. п.), а также то, что существуют и некоторые критические точки этого качества, о которых в следующем пункте. Читатель может вспомнить, что нечто подобное мы совершали в отношении понятий государства, этноса, цивилизации и других, и видели, как трудно было определить, например, где начинается собственно государство, а где еще догосударственные (или боковые) явления. Зато в стадии яркости специфические свойства этих институтов и явлений были весьма наглядны.

В. Теперь мы можем и даже обязаны определить целый ряд крайне важных вещей. Во-первых, указать, когда закон проявляется наиболее (или хотя бы достаточно) ярко. Ибо он наиболее интересен для нас именно в моменты яркого проявления.

Во-вторых, выяснить, когда закон не проявляется вообще и когда проявляется с противоположным знаком. Таким образом, мы как бы задаем критические **точки**. Все это позволит нам уже начерно отграничить сферу его действия, ядро и периферию, связь его с некоторыми другими законами. Следовательно, мы уменьшим опасность экстраполяции ярких случаев на неяркие и в то же вре-

мя, зная, каковы наиболее зрелые черты, сможем ретроспективно угадать их в самом начале развития.

Г. Теперь мы можем «включить» то, что я называл «реле качества», то есть попытаться определить, в каких случаях яркость проявления усиливается, а в каких – слабеет. Это позволит и уточнить, и проверить формулировки, а также выявить пробелы и по возможности заполнить их.

Д. Очень желательно попытаться составить максимум формулировок, вытекающих из главной, чтобы увидеть картину более полной. Нужно также проследить, как «ведет себя» закон при снижении (повышении) уровня обобщения, изменении аспекта.

Е. Желательно посмотреть, в какой мере совпадает наш закон с другими, которые можно рассматривать как полностью или частично заменяющие или конкурирующие. Следует тщательно сравнить, насколько и в чем он превосходит или уступает им. Тогда станет яснее его ценность (или, напротив, ненужность). Виднее также будут область и границы и случаи его применения.

Ж. Теперь стоит подумать, можно ли совместить наш закон с его «оппонентами» и «конкурентами». И если это удастся, мы увидим все его характеристики как бы более объемно. Это позволит определить его место в общей иерархии законов данной системы координат (и предположительно уже и других систем). Станут также яснее и следствия для общей теории при введении его в систему аналитических средств.

Такой анализ позволит также убедиться, что даже в очерченной нами области изолированное влияние отдельных законов будет преобладающим лишь в определенных случаях. Во всех остальных ситуациях действие анализируемого закона уже во многом затемнено, изменено или обусловлено действиями других законов, а искомое нами качество приходится вычленять из общего баланса сил. Следовательно, необходимо устанавливать характер и степень их взаимодействия: будут ли это взаимоусиливающие, или взаимоослабляющие, или еще более сложные комбинации и сочетания. При устойчивых взаимоотношениях законов, а также из-за трудности их разделения при наложении друг на друга и в ряде других случаев возникает теоретическая необходимость и целесообразность в

группировке законов. И возможности такой операции мы рассмотрим в следующем параграфе.

В заключение о том, что выпало из поля нашего внимания, сосредоточенного прежде всего на относительно главных законах исторического процесса. Вполне очевидно, что для работы необходимы и законы меньшей значимости, которые создают для ведущих своего рода фон и среду, и без которых конкретные механизмы реализации главных становятся непонятными или искажаются. Следовательно, требуется создание определенной иерархии законов по важности, которая в зависимости от целей будет иметь больше или меньше ступенек, а также ясное представление о принципах такой иерархической системы.

Я могу сделать лишь несколько замечаний по этому поводу.

Во-первых, надо помнить, что иерархия рассматривается как строгая для определенной задачи, аспекта, концепции. Так, если в теории исторического процесса мы выделяем относительно главный закон для генеральной линии, то в боковых линиях могут быть свои особые законы. В общем плане они рассматриваются как неглавные, но при сужении исследования именно боковыми направлениями истории начинают представлять уже относительно главными.

Однако чем постоянное какие-то выводы в науке, тем важнее и выведенный иерархический порядок и тем большую объективность он приобретает.

Во-вторых, исходя из правила достаточности, даже неглавных законов не должно быть слишком много. Ведь как сказано, их роль – оттенять, дополнять, развивать и конкретизировать главные. Кроме того, они находятся как бы в резерве, чтобы при изменении иерархии занять место последних. Естественно, что в этом случае они сами потребуют «свить» неглавных, каковыми станут частью те, которые вообще не были задействованы, частью прежние главные.

В-третьих, надо различать измененные при переходе на иные уровни или для особых случаев формулировки относительно главных законов при переходе и сопутствующие им неглавные законы. При этом последние иногда и сами трансформируются при смене уровня, а иной раз имеют смысл лишь при строго определенных условиях.

В-четвертых, не следует забывать, что переход с базового для относительно главных законов на, условно говоря, более чем один уровень, скорее всего повлечет и смену иерархии законов. Иными словами, если базовым мы называем уровень важных аспектов и задач (типа периодизации исторического процесса), охватывающих весь процесс (или основную его часть), то переход на одну ступеньку: уровень исторического процесса в целом, или, напротив, одной формации – еще во многом сохраняет базовую иерархию. Дальнейшее же движение вверх или вниз ведет к ее изменению. Так, если мы работаем лишь в рамках части формации, то относительно главными начинают выступать уже внутриформационные законы.

(Продолжение следует)